

«ВСЕ ИЗ МОЕГО МИРА...»

КОНЕЧНО, она подготовила отрывок из «Войны и мира» — помните ту волшебную страничку, где Наташа сидит в окне, и луна светит. И Наташа говорит Сонечке, что могла бы вот так поджечь ноги — и полететь, полететь...

И, конечно же, она выучила наизусть «Лисицу и виноград». Какой же уважающий себя абитуриент понесет заявление в театральное училище, не зная «Лисицы и винограда»?

Конкурс был ужасный — семь человек на место. Неужели все эти парни и девушки, действительно, не представляют себе иного пути, кроме театрального? А она представляет? Люба Костинникова мыкалась по лестницам училища, трепетала, когда просвещенные абитуриенты показывали ей кумиров хабаровской публики (актеров, режиссеров, а здесь — преподавателей). Кое-как дотянула до третьего тура и уже с почти капитулянтскими мыслями явилась на экзамен.

Тут ей предложили сыграть такой этюд:

— Представьте, вы идете по коридору, темному коридору, и видите у окна целующуюся пару. Вы открываете дверь, луч света падает на юношу и вы узнаете в нем своего возлюбленного...

Люба «пошла по коридору», еще не совсем поняв, что от нее хотят. «Да что же это такое, — горько подумала она. — Издеваются надо мной, что ли?»

Она резко повернулась, глазами, полными слез, посмотрела на комиссию и выбежала из аудитории. «Вот и все! — подумала, перескакивая через ступеньки. — Домой, домой!»

Но комиссии понравилось. Комиссия нашла, что любовь, и ревность, и гнев Костинникова передала очень убедительно, и судьба ее была решена. На другой день Люба прочла свою фамилию в списке принятых и уехала в родную Сергеевку.

В Сергеевке все было близко и понятно. Тут каждая тропка, и каждый кустик, и

каждая сосенка в ближней роще — все были давними знакомцами. Сюда она бегала по ягоды и сама, и с подружками, и все деревья знали ее по голосу, потому что не было такой песни в те годы, которую она бы не пела — и так, для себя, и на школьных вечерах, и дома. Иногда ее брал на охоту отец — Спиридон Фомич. В лесу петь не велел — чтоб птицу не пугать.

В общем, в школе считали, что будет Люба певицей.

Но потом дали ей роль Марини Мнишек, драмкружок ставил «Годунова», из городского театра привезли старинный наряд. Люба посмотрела на себя в зеркало и обомлела — не узнала. И в голосе у нее неожиданно появились властные нотки. На сцене, как бы слышала себя со стороны: Ошибся, друг: у ног своих

Я рыцарей и графов
благородных,
Но их молебь я хладно
отвергала...

Именно с того дня и поняла: театр, только театр! Слышала, конечно, про конкурсы, знала, как рискован выбор, но изменить своего решения не хотела и не могла. И вот — принята!

КОСТИННИКОВА: Училище, конечно, дало все, что могло дать. Но актер, по-моему, начинается только в театре. Это я почувствовала, когда сразу же после выпуска была принята в Хабаровский театр драмы. Мне повезло. Среди ролей, сыгранных мною в Хабаровске, были две особенно любящиеся — Валя Анощенко в «Русских людях» и Соня Гурвич в «Зорях» Б. Васильева.

Девушке, выросшей после войны, доверяют сыграть свою сверстницу военной поры. Можно, конечно, кое-что ощутить, натянув на себя гимнастерку, надев пилотку, телогрейку, сунув ноги в сапоги,

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

но это ведь — внешнее... А как добраться до глубинного, до сути, как ухватить нерв роли? Тут сколько актеров, столько путей. Любе Костинниковой помогали фронтовые строчки Симонова, их ведь шептала, наверное, и Валя Анощенко в том давнем — сорок первом:

Нас пули с тобою пока еще
милуют.
Но, трижды поверив,
что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был
за самую милую,
За горькую землю, где я
родился.

А Соня Гурвич всюду, даже на краю гибели, читала — помните? — Блока:

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды
восты?
От дней войны, от дней
свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Значит, что? Вживаясь в роль, студировать Блока? Тебе, может быть, откроется сам Блок, Петербург в туманах, пролетка. Прекрасная Дама, словом, Россия блокова, как писал Маяковский. А Соня Гурвич? Станет ли она ближе тебе — эта худенькая девушка, очкарик с автоматом, — если ты даже всего Блока затвердишь наизусть?

КОСТИННИКОВА: Я когда военную роль готовлю, хожу в хроникальное кино. Сожмусь в кресле, смотрю на войну и представляю, как бы это могло со мной случиться. Как бы я поступила в такой ситуации. И почему-то мне так Димку своего маленького жалко. Вот когда «Голубых оленей» репетировали, смотрела я хронике о событиях в Чили. Ничего общего с нашей пьесой, а настроение помогло... Потому что моей героине помещали счастливой быть — война, кровь, фашисты...

В «Голубых оленях» никола-

евцы и увидели ее впервые. Совсем еще девчонка, и любовь приходит к ней в самое неподходящее время — наши отступают, в село вот-вот ворвутся враги...

Вот мы наблюдаем за этим безмолвным дуэтом Аленки (Костинникова) и внешне разбитного, а на самом деле такого же юного и беззащитного перед первым чувством Кравцова (Морозенко). Все тут на полутонах, все недосказано, лишь пунктиром намечено, но есть в этой сцене так необходимая подлинному искусству радость узнавания: да, так оно и бывает, да, правда! схвачено, точно пережито!

Роль, интересно задуманная драматургом, где-то к концу спектакля буксует, выцветает, но Костинникова силой объяснения, верой в Аленку заставляет нас не замечать огрехи сюжетного построения. Идем за ней, за ее любовью до самого конца...

И в следующем спектакле «До новых журавлей» Костинникова, играя такую не похожую на Аленку Ксению, то и дело удивляет нас эксцентрическими мазками, которыми наделяет характер героини. Ее Ксения — человек неожиданных решений. Рвется к самостоятельной жизни и вместе с тем крайне инфантильна. Ушла от Виктора — и не может шагу ступить без него. Убеждает себя, что влюблена в Лариску, и ждет с нетерпением властного вмешательства Виктора в ее порядком-таки запутанную судьбу. И сколько правды в ее по-детски испуганных причитаниях перед близким таинством материнства: «Ой, не хочу! Ой, боюсь!». Тут вся Ксения — непутевое дитя нового времени: ершистости сколько угодно, а вот самостоятельности негусто.

И на «Голубых оленях», и на «Журавлях» николаевский

зритель находил в программке имя персонажа пьесы и рядом — незнакомую фамилию актрисы:

— Костинникова? Кто такая? Откуда?

КОСТИННИКОВА: К каждому актеру, по-моему, в один прекрасный день приходится ощущение, что он варится в собственном соку. Он не может оценить себя самокритично. Толчется на одном месте... Я как-то слышала о фигуралке: «Она внезапно потеряла пространство, потом нашла». Так вот и в Хабаровске, и позже в Жданове я не стала ощущать пространство... Меня по привычке хвалили, вручали дипломы, награждали путевками — в Чехословакию, в Польшу, а я все думала: «Не то, не то! Надо искать себя — в новом коллективе, в новом городе... Найти потерянное пространство...»

— Ну и как — нашли?

— Мне интересно работать с такими артистами, как Морозенко — в его работах всегда целенаправленность, с Изченко — это человек большой культуры, с Кузьминым — таким человеческим, мягким. На сцене нам все мешает, а он нет, с ним легко как-то...

И еще она говорила о нашем веке, когда искусство так внимательно к личности, к внутреннему миру каждого человека.

— Мне по душе драматургия Розова, Арбузова, Рошина. А пока собираюсь сыграть в «Благочестивой Марте». Комедия плаща и шпаги...

...Глядя на сказочных голубых оленей, нарисованных Аленкой, Кравцов несколько неуверенно произносит:

— Будто не от мира сего...

— Все из моего мира, — почти горделиво отвечает Аленка.

«Все из моего мира», — могла бы повторить за ней Костинникова, потому что в каждую роль вкладывает свою судьбу, свои симпатии... и антипатии, свое понимание жизни.

Эм. ЯНВАРЕВ.